

ФИЛОСОФИЯ

*Михаил Григорьевич ГАНОПОЛЬСКИЙ —
главный научный сотрудник
Института проблем освоения Севера СО РАН,
доктор философских наук, профессор*

*Федор Андреевич СЕЛИВАНОВ —
профессор Тюменской государственной
академии искусств и культуры,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук*

УДК 17.02

СОВЕСТЬ КАК СВЯЗЬ ОТНОШЕНИЙ

*Светлой памяти нашего друга
Николая Дмитриевича Зотова-Матвеева*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу совести как отношения и связи в общепhilosophical смысле и в социальном измерении. Под этим углом зрения проанализированы некоторые этико-philosophical, экзистенциалистские и антропологические концепции.

The paper is devoted to the analysis of the problem of conscience as a relation and connection in the philosophical sense and the social plane. Under this point of view there were analyzed some ethic-philosophical, existential and anthropological conceptions.

Тема совести относится к числу вечных и поэтому каждому дает шанс трактовать ее по-новому. Конечно, существует опасность впасть при этом в назидательность или же изречь очередную банальность. Но вряд ли это может служить препятствием в размышлениях о совести.

Мы решились на такого рода размышление под воздействием ободряющего примера. Это сравнительно недавно опубликованная на русском языке книга Зигмунта Баумана о свободе. В самом начале, формулируя авторский замысел, Бауман пишет: «В этой книге я собираюсь показать, что понятие, которое мы рассматриваем как очевидное и ясное (если вообще его рассматриваем), отнюдь не является таковым; что его внешняя понятность происходит исключительно от

частого употребления (и, как мы увидим, злоупотребления); что оно имеет долгую и пеструю, редко вспоминаемую, историю; что оно гораздо более неоднозначно, нежели мы готовы признать; что, одним словом, в свободе не все так уж ясно с первого взгляда» [1; 13].

То, что З. Бауман пишет о свободе, в полной мере относится и к совести. И не только по внешней аналогии, но и по сути: голос совести — это голос свободного человека. Но для нас важно другое — Бауман рассматривает свободу в ее социальном измерении, то есть как особого рода отношение индивида к другим людям, к социальным институтам и к обществу в целом. Такой подход соответствовал нашему изначальному замыслу, он и послужил импульсом в написании данной работы.

***

Совесть испокон веков называют внутренним судьей. Голос совести, ее веления кажутся совершенно не зависимыми от внешнего мира. Руководствуясь совестью, человек подчас не только не апеллирует к другим людям, но даже выступает против мнения большинства — он прислушивается лишь к голосу совести. Совесть повелевает, побуждает к определенным поступкам, а от других удерживает («мне совесть велела» или «мне совесть не позволяет»). Совесть оценивает эти поступки, что выражается в особой нравственной удовлетворенности сделанным (спокойная совесть, чистая совесть), или же наоборот — в угрызениях или муках совести.

Совесть — сложное психическое образование. Это переживание, в котором интеллект, чувства, воля едины и взаимодействуют. Можно сказать, что голос совести особым критичным образом настраивает весь внутренний мир человека, в том числе память и воображение.

Как же возникает знакомый каждому голос совести? Что является его источником? Эти вопросы имеют долгую историю, но и сейчас вряд ли можно ответить на них исчерпывающим образом. И все же происхождение слова — совместная весть (и так не только в русском языке) — указывает, что рождается этот голос в совместной жизни людей, в общении, в диалоге.

Хорошо известен афоризм Генриха Гейне: «Добродетельным можно быть и одному, а для порока нужны двое». Но то, что здесь обычно подразумевается под пороком, давно уже таковым не считается. А вот чтобы быть добродетельным в одиночку, необходима внутренняя раздвоенность, даже амбивалентность, проявляющаяся в способности человека посмотреть на себя и свои поступки со стороны, глазами Другого, а в какой-то мере и способность стать на место Другого, понять смысл его поступков. Благодаря этой раздвоенности и существует совесть. Существует как особое отношение человека к самому себе.

Действительно, отношение имеет место там, где есть соотнесенность, где одно не существует без другого, где свойство одного существует благодаря наличию или отсутствию другого [2; 12]. Мать потому мать, что имеет ребенка, брат является таковым, поскольку имеет сестру или брата. Географические объекты могут быть севернее или южнее, восточнее или западнее не сами по себе, а только по отношению друг другу. Традиция подобного понимания отношения восходит к Аристотелю, который в «Категориях» рассмотрел соотнесенность, то есть наличие отношения. «Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [3; 66]. В русле этой традиции рассматривал отношение и Гегель. В «Науке логики» он писал, что нечто имеет значение лишь в связи с чем-то находящимся с ним в отношении [4; 255].

Но совесть — это не только самоотнесенность, но и связь человека с самим собой, реализующаяся в интимном диалоге, в котором и звучит голос совести. Правда, здесь может возникнуть вопрос, не является ли такого рода утверждение излишним. Зачем подчеркивать наличие связи, когда уже есть отношение?

И в самом деле, слова «отношение» и «связь» часто употребляются как синонимы, причем не только в обыденной речи, но и в научных текстах. Философский статус этих понятий, их всеобщий характер был замечен давно, но тем не менее философы довольно часто определяли связь через отношение, а отношение через связь, словно не замечая логического круга. Но это самостоятельные категории, каждая имеет свое содержание, а объемы их — универсальные классы.

Для чего же необходимо различать связь и отношение при исследовании совести? Чтобы показать, что совесть не может быть непосредственно выведена из золотого правила нравственности, как это иногда пытаются делать (подробнее об этом см.: [5]). Что в ней акцентирован тот внутренний интимный диалог человека с самим собой, в котором реализуется его связь не только с конкретным сообществом, но и с обществом в целом и даже со всем человечеством. На это обращал внимание еще Кант в трактате «Основы метафизики нравственности», формулируя категорический [6; 260] и особенно — практический императив [6; 270]. При этом хотя Кант отчасти и соглашается с мнением рецензента в том, что «в этом сочинении не устанавливается новый принцип моральности, а только дается новая формула» (имеется в виду золотое правило нравственности) [6; 319], но в то же время отмечает: «Не следует, однако, думать, что тривиальное *quod tibi non vis fieri etc.* [то, что ты не хочешь, чтобы тебе сделали, и т. д.] может здесь служить путеводной нитью или принципом. Ведь это положение, хотя и с различными ограничениями, только выводится из принципа; оно не может быть всеобщим законом, так как не содержит в себе ни основания долга по отношению к самому себе, ни основания долга любви к другим» [6; 271].

Понимание совести (а у Канта и долга-совести) как связи требует определенного прояснения термина «связь». Он употребляется, когда вещи (две или более) оказываются в чем-то едины, выступают как одно. При этом образуется признак, которого не было у вещей до связи. Возникновение связи означает возникновение единого через посредство чего-либо. Посредник, так сказать, «связной» есть во всех случаях связи. Это может быть курьер, почтальон, телефонная линия и др. Но поскольку связь всеобща, не только они. Две веревки соединяются посредством узла. Гвозди, крепежные детали, клей и т.п. тоже могут рассматриваться как посредники. И хотя большинство связей не осуществляется так зримо, мы предлагаем тем не менее констатировать наличие этого посредничества во всех случаях связи. Есть для этого и подходящий термин — коммуникация.

Конечно, понятие коммуникации настолько многозначно, что ограничить его значение только ролью посредника в соединении между собой вещей, находящихся в связи, было бы неверно. И все же существует традиция рассматривать данное понятие не только как общенаучное, но и как собственно философское, на которую мы хотим в данном случае опереться. Это учение о коммуникации, которое сформировалось в первой половине XX столетия как оппозиция доктрине общественного договора. Его сторонники (К. Ясперс, Мунье, О.Большов) обратили внимание на то, что участники договора воспринимают и осознают друг друга лишь в свете своих обоюдных обязательств, то есть абстрактно, безлично. Согласно К. Ясперсу, договорные отношения реализуются в мнимых коллективах массового общества (корпорации, бюрократизированные институты и т.д.), поэтому в них человек теряет подлинность бытия, заменяя его суррогатом мни-

мых, то есть корпоративных форм поведения. Коммуникация как прямой контакт сознаний возвращает человеку эту потерю, реализуясь в беседах, дискуссиях, иных формах подлинного общения. По Ясперсу, коммуникация — это и есть «безграничное взаимное пребывание в беседе» [7; 37], она должна основываться на интимных контактах и осознанной духовной общности. Примечательно, что экзистенциальная трактовка коммуникации была дополнена логической характеристикой, выраженной в афористичной форме современником Ясперса, известным логиком Ф. Кауфманом: «контакт — вместо контракта».

Через два десятилетия, уже после Второй мировой войны, Ясперс значительно расширяет масштаб подобного видения, доводит его до глобального: «Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация — ситуацией всего человечества» [8; 141].

Учение о коммуникации можно рассматривать как способ экзистенциального переосмысления проблемы социального — попытку понять общество через общение (а не наоборот). Тем самым основой человеческого сплочения мыслится подлинное общение, которому присущ духовный резонанс. Его камертоном и выступает совесть. Именно в обществе, культивирующем совесть, справедлива формула: «Мораль — это есть совесть плюс общественное мнение».

Но так можно сказать не обо всех этических системах, в том числе и основанных на золотом правиле нравственности. В этике Конфуция основным регулятором, как известно, выступает стыд. А по поводу этики Будды иной раз говорят, что в ней нет ни стыда, ни совести. Впрочем, вряд ли можно отказать людям, исповедующим эти нравственные учения, в наличии стыда и совести. Просто в этих культурах они не столь явно артикулированы, а в контексте нашей позиции характеризуются иным статусом и иной конфигурацией связи и отношения.

Может быть, поэтому под влиянием культур Востока, наряду с учением о коммуникации, возникли и другие попытки ревизии социального. Это философская антропология Мартина Бубера, антропологическая метафизика, представленная работами русских мыслителей — Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова и С.Л. Франка. С ними коррелируют психоаналитические концепции человека и культурно-психологические исследования проблемы самосознания и автокоммуникации. Данные подходы, как правило, не акцентируют нравственную проблематику, в том числе и проблему совести, но обращают пристальное внимание на конфигурацию связей и отношений человека с другими людьми и с самим собой. Совесть, а вместе с ней и мораль словно исчезают при таком морфологическом анализе. Но при этом механизмы, сходные с механизмами совести, присутствуют здесь на уровне самосознания культуры в целом. Эта функция обычно возлагается на философию, которую вначале метафорически, а затем и в прямом смысле именуют совестью культуры, ее самокритикой.

В данном случае нельзя, конечно, говорить об утрате совести на уровне непосредственных человеческих контактов. Совесть не исчезает, как и не исчезают связи и отношения, в которых она представлена. Речь может идти лишь о смене оптики, при которой эти связи и отношения становятся неразличимыми. Поэтому формула существования совести здесь иная. По аналогии с теоремами существования в математике мы определяем ее следующим образом: «Если общество способно к самоанализу и самокритике и культивирует философию, на которую возложена эта миссия, то совесть в нем существует».

***

Разумеется, представленные здесь формулы, как и авторский подход в целом, — лишь первое приближение к проблеме. Рассматривая совесть как отношение и связь, мы бы хотели отстоять взгляд, согласно которому мораль — это не производная социальных отношений, а их основа, канва, на которой люди «вышивают» различные «узоры» деятельности и поведения.

Мораль утверждается в общении, поэтому она испытывает воздействие средств массовой информации и коммуникации. В современном мире эти средства становятся все более техничными, а контакты людей — все более опосредованными и условными. Шутливое замечание Станислава Ежи Леца «Техника достигнет такого прогресса, когда люди смогут обходиться сами без себя» начинает звучать в этих условиях как устрашающее пророчество. И все же то, что совесть существует не только сама по себе, то, что она не только свойство отдельного человека, но и представима как отношение и связь многих людей, то есть способна освоить сложность и опосредованность современного общения, внушает определенный оптимизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006.
2. Селиванов Ф.А. Связь и отношение // Избранное. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
5. Столович Л.Н. «Золотое правило» нравственности как общечеловеческая ценность // Звезда. 2008. № 2. С. 205-214.
6. Кант И. Соч.: В 6-х т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
7. Jaspers, K. Die Idee der Universitat. В., 1923.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

*Елена Алексеевна БЕЗНОЩЕНКО —
аспирант кафедры философии
Финансовой академии
при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва)*

УДК 316.7(045)

СЕМЬЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В ОСНОВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЯХ РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Автором статьи рассматривается актуальная в современном обществе проблема социальной ценности семьи и ценности семейных отношений с точки зрения ее отражения в религиозных взглядах иудаизма, христианства, ислама и буддизма, поскольку в настоящее время, как и в древности, религия занимает существенное место в социальной жизни.

Author of this article consider the actual problem of social value of the family and family relations in modern society in the context of religious views of Judaism, Christianity, Islam and Buddhism, because now, like in the ancient times, religion takes significant place in social life.